

Анна Борисова
креативщик

Анна Борисова

Креативщик

«Abecca Global Inc»

Борисова А.

Креативщик / А. Борисова — «Abessa Global Inc»,

ISBN 978-5-17-057439-1

Богатства сюжетов, стилей и авторских приемов, содержащихся в этом небольшом по объему произведении, хватило бы на несколько книг, причем разного жанра. Роман «Креативщик» обладает двумя редко сочетающимися качествами: он быстро прочитывается, но нескоро забывается. Есть у этого текста и еще одно необычное свойство. Трудно определить, то ли это серьезная литература, прикидывающаяся шуткой, то ли прямо наоборот. «Борисова – потрясающий рассказчик. Повествование подхватывает тебя с самой первой страницы. Увлекательно, живо, даже дух захватывает. Читая эту книгу, становишься умней – и толком не понимаешь, в чем тут фокус». Януш Леон Вишневский «Интереснейшая вещь! Маленький роман, написанный простым, доступным каждому, “бульварным” слогом, восхищает филигранностью сюжетной конструкции и, увлекая с первых строк, приглашает читателя серьезно поразмышлять над вопросами бытия. Финальный перевертыш, когда мелкий бес искушает христианина-неофита, сделан автором так блестяще, что на обложке книги хочется написать: Осторожно! Искушение для нетвердых!» Павел Санаев «Трудно найти более щедрого и, пожалуй, расточительного автора. Свобода, элегантность, редкий в наших литературных обстоятельствах культурный уровень, игра в разных жанрах и в разных пространствах вызывают ассоциации с “Мастером и Маргаритой”, но без скучной подражательности классику. Интригующая книга: от этого нового автора можно ожидать прекрасного продолжения. Чего и желаю от всей души». Людмила Улицкая

ISBN 978-5-17-057439-1

© Борисова А.
© Abecca Global Inc

Содержание

7:49	6
8:21	8
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Борисова

Креативщик

7:49

Едва проснувшись, он начал ворчать. Молчать он не умел. Совсем.

Разбудил его сквозняк.

«Холодина какая. Нельзя, что ли, было закрыть?»

Дуло из настежь раскрытого окна. Там голубело и желтело утреннее небо, и больше ничего не было, потому что этаж высокий, а очень старый человек лежал в постели и смотрел в окно снизу вверх.

«Когда всё это кончится?» – неизвестно у кого спросил он, откашлявшись и достав из стакана зубы. Подвигал челюстями, чтобы протезы встали на место.

Настроение у него, как всегда по утрам, было отвратительное. Особенно, если весна, солнце, прозрачный свет. Но он знал, как и что делать. Выработал ритуал.

«Бюро ритуальных услуг, за работу! – приказал себе старик и начал отсчет перед стартом. – Шесть, пять, четыре, три, два, один».

Тяжело, как грузовой корабль «Союз», поднялся. Одеяло соскользнуло с него, будто опоры, отошедшие при старте. Еще больше сходства с натужным, небезопасным отрывом от земли возникло, когда человек покачнулся.

Но ничего, выправился. Нашарил ногами тапочки.

«Простужусь, помру, будете знать», – мстительно пообещал он кому-то и прошаркал через комнату, чтобы закрыть раму.

Секунду-другую озирает законный мир.

«Тьфу, бездарность какая».

И то сказать, любоваться было нечем. Ветхие панельные девятиэтажки, асфальтовый двор, кусты. Странно только, что в голосе старика прозвучало разочарование, будто он рассчитывал увидеть вместо чахлого купчинского микрорайона Неаполитанский залив или, на худой конец, Женевское озеро.

Ворчун задернул шторы и устался на свое жилище, тоже будто впервые. Тут зрелище было опять-таки безрадостное. Голые стены, кровать с тумбочкой да платяной шкаф, более ничего.

«М-да...»

Мрачный взгляд опустился на метровый лист фанеры, зачем-то валявшийся у окна. Древнее лицо дернулось, словно от боли или мучительного воспоминания.

«Мыться-бриться, а то повешусь». С этими словами старик заковылял в ванную, еле переставляя дряблые ноги. Спал он в рубашке, но не ночной, а нательной. Когда-то в таких ходили все мужчины, но те люди поумирали, те фабрики позакрывались или перешли на другую продукцию. Рубашка, однако, была свежая, идеально белая. Пожалуй, излишне белая. На ее фоне морщинистая шея напоминала фактурой и цветом потрескавшуюся землю.

Бреясь, старик смотрел только на бритву и помазок. Если встречался с собой в зеркале глазами, тоскливо вздыхал и отводил взгляд. Он себе ужасно не нравился.

«Терпение, – приговаривал он, – терпение. Всему свое время». Расчесал густые, совсем седые волосы, надушился одеколоном из резиновой груши.

«Так-то лучше».

Одевание представляло собой важный и неторопливый церемониал. «Какой наряд выберешь, так и день сложится», любил повторять этот человек.

Долго стоял перед открытым шкафом, где теснились вешалки с одеждой. После колебаний взял светлый льняной костюм, мешковатый, но элегантный. Поверх своей белоснежной нательной рубашки надел свободную водолазку. Взял тупоносые туфли очень маленького размера. Он вообще был невысок, тщедушен. Наверное, в молодости отличался легкостью и пластичностью движений. Былое изящество проступило в жесте, которым щеголь поправил свои белые, чуть растрепавшиеся волосы.

Последним штрихом стала чудесная трость с серебряным набалдашником в виде раздвоенного копытца. Она окончательно превратила старую развалину в пожилого джентльмена, даже денди.

Вот теперь старичок позволил себе посмотреться в зеркало и, кажется, остался более или менее доволен.

Он медленно прошелся по комнате, по коридору, опираясь на палку. Непонятно, зачем ему понадобился этот обход. Глядеть в однокомнатной квартирке было не на что. Кухня, например, вообще пустовала. Помещеньице-то в семь квадратов – ни стола, ни плиты, ни холодильника. Словно здесь никогда не готовили, не ели, не пили чай.

«Приветствую тебя, пустынный уголок. И катись к черту. Больше не увидимся».

Прощавшись с квартирой таким оригинальным образом, старик вышел на лестницу и вызвал лифт.

Бледно-розовый язык облизнул сухие губы. Костлявая кисть с коричневыми пигментационными пятнами нервно барабанила по набалдашнику. Старый франт явно волновался.

Зашипели двери, но он не вошел в кабину, замешкался. Поднял левую ногу, опустил. Поднял правую. Опять передумал. «Кто там шагает правой.левой, левой!» Это опять был суеверный ритуал, как с одеждой.

Пока чудака колебался, с какой ноги войти, двери захлопнулись, лифт уехал.

«Плохая примета. – Старик ударил палкой об пол. – Или хорошая?»

Двери снова открылись минут через пять. Он быстро переступил порог, с левой ноги. Нажал кнопку с единичкой.

«Плохая или хорошая? Плохая или хорошая?» – всё повторял он и, наверное, твердил бы эту фразу до самого низа, но, спустившись всего на два этажа, кабина остановилась. Двери разъехались.

На площадке стояла девочка-подросток с портфелем.

«Хорошая», беззвучно прошептал старичок и причмокнул.

8:21

«Дедушка, вы до конца едете? Если до первого, я войду. Если нет, то езжайте себе».

Лицо у девочки было не то напряженное, не то испуганное.

«Какая разница, до первого – не до первого?»

Он впился в нее глазами, будто пытался угадать причину нервозности. Палец держал на кнопке, чтобы не сдвинулись двери.

Девочка была невоспитанная. Не знала, что старшему отвечать вопросом на вопрос невежливо.

«Трудно сказать, что ли?» – недовольно протянула она, не трогаясь с места.

Старик догадался сам.

«Ты боишься ездить в лифте одна. У тебя клаустрофобия».

«Чего у меня? – Она смутилась. – Я не ездить, я застрять боюсь. Если с кем-то, еще ничего. А одна в лифт ни за что не сяду. Наверх-то нормально. Если подождать, всегда кто-нибудь придет. Сажусь и еду. Если раньше выйдут, я тоже выхожу, и дальше пешком. Вниз редко получается. Обычно по лестнице спускаюсь. Ладно, поехали. Если вы не до первого, я с вами выйду».

Она осторожно, словно ступая на лед, вошла в кабину и передернулась, когда пол качнулся под ногами.

«Я еду до самого низа. Так что бояться тебе нечего».

Старичок хихикнул.

Улыбнулась и девочка.

«Тогда поехали. А то я на урок опаздываю».

Он убрал с кнопки палец. Двери гулко захлопнулись. От этого звука девочка скорчила гримасу и побледнела.

«Ты уже когда-нибудь застревала?»

«Вы чего? Я бы с ума сошла! Мне иногда снится, что я в лифте зависла. Одна или, еще хуже, с каким-нибудь уродом – это вообще караул. И обязательно свет гаснет. Я ору во сне – тыща децибел. Мама прибегает, а я сижу вся такая, слюни текут, слезы каплют. Очуметь!»

Девочка коротко рассмеялась, стряхнув со лба русую челку.

Старичок прищурился, замигал, блеклые глазки сверкнули. Он прислонился к стенке, и в тот же миг кабина вдруг остановилась.

Свет мигнул, погас.

Бедная девочка перепугалась так, что даже не закричала. Громко втянула воздух и, парализованная ужасом, не смогла выдохнуть.

«Надо же, сглазила, – раздался в темноте спокойный голос. – Видишь, ничего особенно страшного. Мы не падаем, мы просто застряли. Я с тобой. Бояться нечего. Сейчас снова поедem».

«Ха-а-а... Ха-а-а», – судорожно сипела девочка, не в силах произнести ни слова.

«Ну-ну, спокойней. Ты где? Дай руку, не бойся».

Она вцепилась в него, старик крикнул.

«Полегче, ты мне пальцы сломаешь. Знаешь ли ты, что страх – самый мощный из биопсихических стимуляторов? Под его воздействием мышечная функция может усиливаться в восемь раз».

«Дедушка! – пискнула девочка. – Выпустите меня отсюда! Пожалуйста, миленький!»

«Ну как я тебя выпущу? Я же не лифтер. Но ты успокойся. Сейчас мы вызовем диспетчера. У тебя есть мобильный?»

«Есть...»

«Доставай».

«Точно! Я маме позвоню! – Стуча зубами, девочка достала телефон и вскрикнула. – Не работает! Ни одной пипочки!»

«Конечно, не работает. Мы в стальном ящике. Сигнал не проходит. Но это ничего. Ты просто посвети, я найду, где тут кнопка вызова...»

Голубоватый свет закачался – рука девочки ходила ходуном.

«Ага, вот... Диспетчер!»

Отвечили сразу.

«Слушаю».

«Это дом 24, корпус 1, второй под...»

«Тетенька! – заорала девочка, прижавшись губами к самому щитку. – Мы застряли! Миленькая! Дорогая! Скорей, пожалуйста!»

«От микрофона подальше. Не слышу ничего».

«Погоди... – Старик мягко отодвинул девочку. – Это вторая парадная. Тут школьница нервничает. На уроки опаздывает. Можно как-нибудь побыстрее нас вызволить?»

«Питание в шахте вырубилось. Не только во втором подъезде, во всех. Сейчас аварийную вызову. Ждите».

«Сколько ждать?! Я тут сдохну у вас! Хоть свет включите!»

Но сколько девочка ни кричала, ответа не было. Наверное, диспетчерша объяснялась с другими застрявшими. А может, просто отключилась, чтоб не надоедали, – все равно ничего не сделаешь, пока не придет мастер.

«Не трясись ты так. – Старик нашел в темноте острое плечо, легонько по нему похлопал. – Давай разговаривать. Легче будет».

«Я... не... могу, – с истерическим подвизгиванием ответил голосок. Но через несколько секунд девочка сама попросила. – Не молчите, а? Пожалуйста! Дедушка, говорите что-нибудь. Я слушать буду».

«Не только слушать, но и слушаться. Договорились?»

«Ага».

«Тебя пугает темнота. А ты зажмурься, да еще прикрой лицо ладонями. Представь себе, что тут светло, просто ты смотреть не хочешь... Ну как, стало полегче?»

«...Немножко... Я вас никогда не видела. Вы в нашем подъезде живете или в гостях были?»

«Кто ходит в гости рано утром? Я из 76-й квартиры».

«Это на девятом? Я думала, там никто не живет».

«Никто и не живет. Я эту квартиру год как купил, а выбрался сюда в первый раз. Так и стоит пустая, почти без мебели. Я вообще-то живу в Москве, но сам родом питерский. Когда-то на месте этой девятиэтажки стоял дом моих родителей. В шестидесятые снесли. Тут все так изменилось. А все равно тянет. Как говорится, к истокам. Вот и купил, хе-хе, недвижимость...»

Говорил он уютно, размеренно. Наверное, хотел, чтобы подружка по несчастью успокоилась. До этого пока было далеко, зубы у девочки так и клацали, но она очень старалась не сорваться.

«Говорят, у пенсионеров денег нет. А вы вон квартиру купили. Просто, чтоб оттянуться. Здорово».

«Я не пенсионер, – с обидой сказал старичок. – Я на телевидении работаю».

Это ее заинтересовало, даже трястись перестала.

«Реально? Очуметь! – Потом подумала и предположила. – Наверно, на канале „Культура“. Его бабушка смотрит».

«С чего ты взяла, что я работаю на „Культуре“?»

«Там все старые».

Он еще больше обиделся.

«Не такой уж я старый. Просто с утра плохо выгляжу. Ты бы на меня вечером посмотрела. И вообще старость – понятие относительное. Я когда в твоём возрасте был... Тебе двенадцать с половиной?»

«Точно, – поразились она. – Вы откуда знаете?»

«Когда мне было двенадцать с половиной, мне и тридцатилетние казались пожилыми».

«А то нет?»

Старик, который не хотел, чтобы его считали старым, вздохнул и не стал развивать тему.

«Что вы молчите? – сразу запаниковала девочка. – Вы тут? Дедушка!!!»

«Что ты орешь? Куда я денусь?».

«Тогда не молчите. Вы на телевидении кем работаете? Я вас никогда не видела. Инженер, наверно?»

«Нет. Я креативщик. Есть такая специальность. Видела, в титрах пишут „Автор оригинальной идеи“? Это про нас. Креативщики – это люди, которые придумывают новые проекты. Шоу всякие, викторины, темы сериалов. В общем, всё новое, чего раньше не было».

«Здорово. А платят хорошо?»

«Если идея хорошая, хорошо. Если плохая, ничего не платят».

«Неужели никого помоложе не нашлось новое придумывать?» – спросила девочка. Воспитание у нее все-таки было из рук вон.

«Сколько угодно. Но у молодых голова хуже работает. У них мозги бабл-гамом надуты. Привыкли на границу оглядываться. Ничего оригинального придумать не могут. Все наши шоу покупные. Так сказать, с иностранным акцентом. А мы, старые волки, чужим умом жить не привыкли. Нас учили, что пароход изобрел Кулибин, самолет – Можайский, а радио – Попов. Всегда и во всем приоритет должен быть наш. Поэтому к моим идеям начальство прислушивается, не могу пожаловаться».

«А вы какие шоу придумываете? Реалити?»

«В том числе. Но не такие, какие сейчас крутят. Они все как построены? Найти слабое звено, выдавить кого-нибудь из жизни. Гадость это. Учат молодое поколение быть дворняжками. Как, знаешь, в своре бродячих собак. Кто самый слабый, на того все и кидаются. Вот у меня сейчас проект запускается, там все по-другому. В душ и в спальню подглядывать не лезут, слабых не дожимают. Развивают в человеке лучшее, что в нем есть, а не худшее».

«Скукота. Как в школе. В человеке все должно быть прекрасно. И чего-то, и чего-то, и душа, и мысли. А-Пэ Чехов».

«Ничего себе скукота. – Старик фыркнул в темноте, будто филин в ночи. – У нас недавно на съемках такое случилось – кошмар. Вроде нашего лифта. Только в тысячу раз страшней».

«Если страшней, лучше не рассказывайте. Прикиньте – я и так вся трясусь».

«Как хочешь».

«...Ладно, ваяйте. Только я вас снова за руку возьму, можно?»

Ладошка у нее была холодная и мокрая. Старик ободряюще сжал ее.

«Сейчас я делаю игровое реалити-шоу. Называется „Один за всех и все за одного“.

«Фигня. Смотреть не будут с таким названием».

«У нас тоже мнения разделились. Может быть, название еще поменяют. Это делается на последнем этапе, а мы пока на стадии пилота. Знаешь, что такое „пилот“?»

«Это даже первоклашки знают. А чего там надо делать, в вашей игре?»

«Сокровище искать. Понимаешь, набор тем, пригодных для массового шоу, очень мал. Тут оригинальничать нельзя. Существует всего четыре сюжета, всегда волнующих широкую публику. „Как разбогатеть не работая“, „Золушка становится принцессой“, „Найди свою половинку“ и „Любовный треугольник“. Мое реалити-шоу относится к первому разряду. Вечная сказка о пещере Аладдина. Но сокровище не сказочное, а совершенно реальное. Пилотный

блок называется „Золотой эшелон“, там нужно найти ящик с золотыми слитками. Потом будет „Остров сокровищ“: пиратский сундук, набитый настоящими пиастрами, дукатами и дублонами; съемки в Карибском море. Третий блок – „Копи царя Соломона“. Снимать будут в Южной Африке, приз – россыпь алмазов».

«Супер! Это сколько по деньгам? Реально сколько?»

«Ох, дети, дети. Что с вами стало? – вздохнул старик, однако на вопрос ответил. – Могу точно сказать по „пилоту“, потому что он уже снят. Там в ящике пуд чистого золота в слитках 999-й пробы. Рыночная стоимость на сегодняшний день примерно 400 тысяч долларов».

«Круто!»

«Приз серьезный, но для проекта такого масштаба в общем-то ерунда. Знаешь, сколько дает реклама за час прайм-тайма?»

«Сколько?»

Креативщик рассердился.

«Ты мне надоела со своим меркантилизмом! Это был риторический вопрос».

«Какой?»

«Не знаю я, сколько сейчас стоит реклама! Я занимаюсь креативом, а не бухгалтерией, поняла?»

«Поняла, поняла. Так чего у вас там, в игре?»

«Есть два гуру, ну то есть учителя. У каждого своя команда, по четыре человека. Белые и Красные. Они называются „искатели“. Отбираются произвольно, компьютером. Это самые обыкновенные люди из числа тех, кто подал заявку на участие. Никакого отсева, никаких ограничений. Только по здоровью – минимально необходимые. Но берем даже инвалидов, если нет медицинских противопоказаний. У нас аутсайдеров не бывает в принципе. Задача учителя сделать из четырех совершенно случайных людей работоспособную бригаду. Он должен в каждом искателе найти что-то полезное для дела и выстроить в команде такие взаимоотношения, чтобы люди не мешали друг другу, а действовали как единый механизм. Такая мини-модель правильно устроенного общества, где всякому человеку найдется свое место. Кто-то, предположим, физически слабый, но хорошо соображает. Кто-то дурак дураком, но душевный. Еще кто-то хозяйственный. Ну и так далее. Беспольных людей не бывает, бывают бездарные руководители, которые плохо разбираются в людях».

«А если я, например, не хочу, чтобы во мне кто-то разбирался? Или компьютер таких козлов подобрал, что меня от них от всех ломает?»

«Правильно ставишь вопрос. В обществе есть люди, не выносящие коллектива. Законченные индивидуалисты. Такой „искатель“ имеет право пуститься в самостоятельный поиск, никто его принуждать не будет. Найдет клад в одиночку – забирает почти всё себе. Но зато если команда обнаружила сокровище без его помощи...»

«То ему фигу с маслом, да?»

«Именно. Я сказал „забирает почти всё“, потому что 20 процентов в качестве приза получает гуру. Если, конечно, клад отыскал кто-то из его команды.

«А если клад вообще не найдут?»

«Ну, значит, не найдут».

«Ага, хитрые какие!»

«Зря ты так. Там всё по-честному. Зрителям с самого начала показывают, где спрятано золото. Но ни учителям, ни искателям место неизвестно. Они ведь в изоляции, в глухой тайге. Никакой связи с внешним миром, это строго. Ищут всерьез, без дураков. К каждому участнику приставлен персональный оператор. И еще у „искателя“ спереди на каске мини-камера».

«Зачем?»

«Потом объясню. Вечером оба гуру, каждый по отдельности, делятся с телезрителями своими выводами и заключениями. Что ценного в каком из членов команды они обнаружили.

Потом показывается „разбор полетов“. Учитель применяет свои выводы на практике: распределяет обязанности и задания на следующий день. Зрители при этом видят, „горячо“ или „холодно“. В смысле, кто подобрался к цели ближе, а кто от нее далек. Тут еще один важный элемент, подстегивающий зрительскую заинтересованность. Работает тотализатор, в котором можно делать ставки. На всю команду или на игрока, который первым обнаружит тайник, это как кто захочет. Поскольку это был пилотный выпуск, мы собрали фокус-группу всего из 1000 зрителей. Потом, когда шоу пойдет в эфир, оно, конечно, будет даваться в записи, смонтированными кусками, но „пилот“ мы транслировали практически напрямую. Почти в реальном времени. То есть каждый из тысячи зрителей мог наблюдать за происходящим круглосуточно. И делать новые ставки. Что стало для всех нас сюрпризом – это накал азарта.

Сначала люди ставили вяло. По сто рублей, по двести. А под конец кое-кто забубухивал десятки тысяч. Начальство даже решило, что придется ввести ограничение на максимальную ставку, иначе у нас вся страна заболеет «золотой лихорадкой». Ты только подумай. Несчастливая тысяча зрителей вложила в игру сумму, которая оказалась выше цены самого клада! Больше, чем стоят восемь пятифунтовых слитков чистого золота с двуглавым орлом царской чеканки!»

«Почему царской?»

«Разве ты не знаешь про “Золотой эшелон”? – удивился креативщик. – Ну как же, это такая увлекательная история! Когда я был школьником, мы все знали. И кино такое было. Правда, там всё перевернуто. Сейчас коротенько расскажу. Слушай.

Во время Первой мировой войны золотой запас Российской империи хранился в глубоком тылу, в городе Казани. Когда началась смута и неразбериха, весь этот бесценный груз, больше 500 тонн золота, достался белогвардейцам, адмиралу Колчаку. Ну про Колчака ты хоть знаешь?»

«Конечно, знаю. Кино смотрела. Он такой несчастный был. Любил Лизу Боярскую, она классная такая – вообще! А его расстреляли, в проруби утопили. Жалко – ужас».

«Вот-вот. Но перед тем, как адмирала расстреляли, он распоряжался всем этим громадным сокровищем. Часть потратил на военные нужды, а осенью 1919 года, когда начал отступать, погрузил золото в поезд. Понадобилось больше пятидесяти вагонов. Это и был „Золотой эшелон“. С ним произошло много приключений, которые я не буду тебе пересказывать. Основная часть золота в конце концов досталась большевикам, но много и пропало. Сколько-то ящиков исчезло бесследно, в других вместо слитков оказались камни.

Видимо, охранники поживились. На этом историческом факте и построен сюжет».

«Супер!»

«Спасибо. Каждый сезон моего реалити-шоу начинается с постановочного эпизода. Такое мини-кино, в котором рассказывается, при каких обстоятельствах был спрятан клад. И где именно. В „Острове сокровищ“ зрители увидят корвет капитана Флинта и пиратов. В „Копях царя Соломона“ – Алана Квотермейна и его храбрых товарищей, за которыми гонятся чернокожие хранители сокровища. В „Эльдорадо“ – отряд испанских конкистадоров... А, я тебе не говорил? Четвертый сезон будет называться „Эльдорадо“. Съемки в перуанских горах. Но это еще не скоро. Высокобюджетная съемка. А „пилот“ был сравнительно дешевый. Делался в забайкальской тайге».

Креативщик прервал рассказ и выпустил ладонь девочки.

«Рука у тебя согрелась. Тебе уже не очень страшно?»

«Очень, – буркнула девочка. – Хоть бы свет дали, гады».

«Ничего, без света даже лучше. Легче представить, как всё это было. Ты за меня больше не держись. Забудь, что ты застряла в лифте. Включи воображение...

Серия «Золотой эшелон» начинается с игровой заставки. Съемка идет черно-белая, тонированная под старую кинохронику.

Представь себе.

Сибирская зима. Ветер гонит поземку вдоль железнодорожного пути, на котором стоит длинный состав. В темноте мигают огоньки населенного пункта.

Появляется титр.

Станция Зима.

Восточно-Сибирская железная дорога.

Последняя ночь 1919 года

Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах!

Семь вспышек, семь выстрелов. Кто-то, высунувшись из тамбура, высадил обойму в черное небо. Пьяные голоса в вагоне закричали «Ура!».

Стрелял распаренный офицер в кителе нараспашку. Мимо него протиснулся и спустился по ступенькам пожилой очкастый капитан в башлыке.

– Лахов, вы куда? Сейчас кукушка двенадцать раз прокукует. Новый год! – сказал ему распаренный.

Донесся гитарный перебор, кто-то внутри с чувством вывел:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.

Хор нестройно подхватил:

Офицерские разъезды
Занимали города!

– Дайте выйти. – Капитан спрыгнул. – Двенадцать часов – время обхода. Новый год подождет.

Он пошел вдоль поезда размеренной походкой. Снег скрипел у него под каблуками.

Вдоль насыпи пылали костры. Около них грелись солдаты оцепления, собравшись группами. Там тоже пили и пели.

Капитан покосился в ту сторону, вздохнул и пробормотал: «Разболтались, скоты».

У соседнего вагона, прислонившись к стенке, стоял присыпанный снежной трухой часовой. Завидев офицера, не без труда выпрямился, взял на плечо винтовку с примкнутым штыком. Икнул. Лахов потянул носом, принюхиваясь, но ничего не сказал.

Поднялся по лесенке.

Вагон был устроен необычно. Примерно половину занимало открытое пространство: вдоль стен лежаки и ружейные шкафы, драный стол с лампой. За столом, обхватив голову руками, сидел человек с двумя серебряными звездочками на погоне.

– А, вы, – хмуро сказал он, поднимаясь. – Проверяете? Нормально всё. Мои у костра. Новый год отмечают. В салон-вагоне весело?

– Дым коромыслом.

Капитан прошел в середину. Там была установлена прочная стальная решетка, за ней глухая дверь. Проверяющий осмотрел пломбу. Не оборачиваясь, спросил:

– Ключ от двери?

– Здесь, здесь. У меня.

Начальник вагонохранилища вытянул из-под гимнастерки цепочку, на которой висел ключ.

– Смотрю я на вас, господин капитан, и удивляюсь. Всё разваливается к черту, а вам хоть бы что. Если мы еще как-то держимся, то из-за таких, как вы. Вопрос, надо ли держаться? Может, пускай лучше всё уже развалится?

Капитан отрезал:

– Лирика. А мы люди военные. С Новым годом вас.

– И вас туда же, – пробурчал подпоручик. Снова сел в ту же позу.

Точно так же очкастый обошел еще несколько вагонов. Перед каждым стоял постовой, внутри дежурил офицер. Один из них лыка не вязал. Сменить его было нечем, поэтому Лахов временно изъял у него ключ от двери хранилища и устроил нарушителю дисциплины выволочку.

– Чего ждать от нижних чинов, если вы подаете такой пример! Стыдитесь!

Поручик покачивался, смотрел на контролера мутно.

– Хотите застрелюсь? – сказал он, то ли издеваясь, то ли всерьез. – Все одно конец.

Капитан плюнул и вышел.

У следующего вагона приседал-приплясывал не солдат с винтовкой, а унтер в добротном полушубке. Правый рукав был пустой, просунут под ремень портупей.

– Ночь-ноченька, – приговаривал он, выпуская облачка пара. – Невестушка моя, жданая-гаданая...

– Вахмистр Семенчук? – спросил подошедший капитан. – С кем разговариваешь?

Унтер вытянулся.

– Сам с собой, ваше благородие.

– А часовой где?

– Упился, змей. Прогнал его с глаз долой. Завтра проспится, ряху начищу. А пока вот сам.

– Это правильно.

В вагоне за столом сидел молоденький прапорщик, читал книгу.

Проверяющий покосился на страницу, увидел, что это стихи. Дернул усом, но воздержался от комментариев.

Проверил пломбу на решетке. Попросил показать ключ. У прапорщика он оказался в заднем кармане брюк.

– Сергей Никифорович, долго мы еще тут стоим, не знаете? – спросил юноша.

– Пока не получим приказ.

– А потом куда?

– Наверно, в Иркутск. Если он еще...

Капитан не договорил.

– А из Иркутска? Во Владивосток? Потом уже некуда...

– Послушайте, Левицкий. В каждом вагоне одно и то же нытье! Надоело. Я главный хранитель, а не верховный правитель. Надо исполнять службу. Иначе свихнемся. Ясно?

– Ясно...

– С Новым годом. Бог даст – не последний, – без особенной надежды сказал на прощанье главный хранитель.

Увы. Новый 1920 год для него закончился уже через минуту. Когда капитан спустился в снежное кружево, он не увидел на посту непьющего вахмистра.

– Семенчук! Ты где?

– Здесь я, – раздалось сзади.

Из-за угла, от тормозной площадки шагнул Семенчук и ударил офицера ножом в спину. Тот ойкнул удивленно и жалобно, хотел обернуться. Но убийца обхватил его сзади единственной рукой за горло и прошептал:

– Тихо, милай. Тихо.

Уложил обмякшее тело на землю, зашарил по карманам, за пазухой. Достал ключ, потом еще один. Поднес к фонарю, покачивающемуся на ветру. Первый ключ был тот, что покойник отобрал у пьяного поручика из другого вагона.

– Эхе-хе, – сокрушенно прошептал вахмистр, отшвыривая железку в снег. – Кабы десять рук да десять ног...

Второй ключ он поцеловал и спрятал в карман. Труп затолкал под вагон. Оглянулся. Быстро поднялся по ступенькам.

– Ваше благородие, ну что, надумал? – сказал он, приблизившись к прапорщику.

Левую руку при этом держал в кармане.

– Ты о чем?

– Знаешь о чем. Приехали мы. То самое место. Уходить пора.

Молодой офицер изменился в лице, заморгал. Попробовал повысить голос:

– Я тебя предупреждал! Не смей вести со мной такие разговоры! Я не доносчик, но говорю последний раз...

Однако тон был неуверенный, и Семенчук перебил начальника:

– Ты не говори. Ты слушай. Для кого золото стережем? Кому везем? Японцам? Большевикам? Пропала Расея. А ты молодой. Расправь крылья, не будь дураком. Жизнь, парень, она короткая. После будешь локти кусать. А место самое верное. Спрячем – никто не сыщет. Когда поутихнет, вернемся.

Прапорщик сел. Его лицо шло красными пятнами.

– Ты же знаешь, Семенчук. У меня только ключ от двери. Ключ от решетки у главного хранителя.

Тут вахмистр вынул руку из кармана.

– Вот он, ключ. Давай, милай, не спи! Шевелись, сахарный! У меня лыжи припасены.

Заскрежетал замок, лязгнула стальная решетка, скрипнула дверь.

Под потолком хранилища зажглись лампы.

На деревянных полках лежали ящики: слева плоские, для слитков; справа повыше – для монет.

– Эх, нам бы сани, – плачуще посетовал Семенчук. – Пудов пять бы взяли. Ладно. Жадный куском подавился. Я пудовый ящик возьму, со слитками. Больше мне, калеке, не уволочь. Где твой мешок немецкий?

– Рюкзак.

– Ага. Сыпь в него империалы. Сколь унесешь. Только учти, дорога неблизкая.

Затрещали доски. В черно-белом кадре вдруг возникло ослепительное тягучее сияние – это засверкали слитки с клеймом.

– Господи, с ума сойду... – пропел Семенчук.

Опустился на колени, прижался к металлу небритой щекой. Из уголка глаза вытекла слеза.

Прапорщик Левицкий вернулся с рюкзаком и горстями сыпал в него звонкие, переливчатые монеты.

И вот похитители уже в лесу, далеко от железной дороги.

Впереди шел Семенчук широкой, мерной походкой бывалого лыжника. За спиной в мешке угадывался прямоугольный контур ящика.

Сзади, отталкиваясь палками, тащился Левицкий.

– Ах, ноченька, прощевай, милая, – приговаривал вахмистр, поглядывая в восточную сторону, где начинало розоветь небо. – Век не забуду.

– Что, ваше благородие, пристал? – крикнул он, обернувшись. – Много желтяков взял. Надорвешься. Ссыпь фунтов десять вон в то дупло. Я этот дуб запомню.

– Я лучше винтовку... – Прапорщик снял с плеча трехлинейку, бросил в снег. – Далеко еще?

– День да ночь. К другому утру выйдем.

– А поближе нельзя спрятать?

– Можно. Если без ума, на русский авось. Только я, милай, авось не уважаю. Там такое место, только черт сыщет. Сто лет пролежит, никто не тронет.

– Да что за место?

– Дыра каменная. Я там когда-то старательствовал, золото искал. Десять лет тому. Там и руку оставил.

– Ты ж говорил, ее на германской оторвало?

– Мало чего я говорил. Не был я на германской. И не вахмистр я никакой. Бумажки чужие. Погоны тож. К поезду золотому прибиться хотел.

Прапорщик покрутил головой, но ничего на это не сказал.

– А как руки лишился?

– Заряд динамитный не так положил. Ну, мне руку-то камнем и прижало. Не выдернуть. Коготок увяз, птичке пропасть. И нет никого, один я там был. Делать нечего. Жгутом повыше локтя перетянул, топором жажнул... Главное, впустую всё. Не было там золота... Ништо. Не было, а теперь будет. Идем, паря, идем.

Следующую ночь они провели в овраге у костра. Выбившийся из сил прапорщик спал, подложив под голову мешок с монетами.

Семенчук курил, шевелил суком огонь и всё бормотал что-то, бормотал.

Добродушно поглядел на спящего.

– Охо-хо, молодость.

Поправил на мальчишке сползший полушубок.

– Спи, милай, спи.

Утром они шли след в след по узкой тропе, над обрывом, под которым белела замерзшая река. На лыжах передвигаться здесь было невозможно. Они остались торчать в снегу, за утесом.

– Далеко еще? – спросил Левицкий.

За день и две ночи его свежее лицо обветрилось, губы растрескались, глаза запали.

– Последний раз вот туточко передохнем, а там уж рукой подать. Сымай поклажу, парень. Передохни.

Семенчук сел на край, свесил ноги в валенках и беззаботно поболтал ими. За все время он не спал ни минуты, но усталым не выглядел.

– «Из-за острова на стрежень», – запел он, озирая речной простор. – Красота-то, а? Я, милай, красоту ужас как люблю.

Прапорщик смотрел на него с удивлением.

– А летом тут, знаешь? Тайга зеленая, небо синее, река черная. Осенью еще краше. Вон из-за той сопки журавли по небу как запустят...

Семенчук показал на лесистый холм, горбившийся вдали. А когда юноша повернул голову в ту сторону, вахмистр выдернул из пустого рукава нож и полоснул товарища по горлу. Проворно поднялся, ударом ноги сшиб хрипящего прапорщика вниз.

Тот сорвался, но кое-как вывернулся и слепым движением схватился за первое, что попало, – за лямки тяжелого рюкзака. Раненый несомненно рухнул бы с обрыва вместе с мешком, если б Семенчук не успел схватить рюкзак за вторую лямку.

– Не балуй! Что золотишко донес, спасибо. Куды бы мне, однорукому? А ныне лети себе с богом.

Левицкий вряд ли его слышал. Глаза прапорщика закатились, изо рта вырывалось сипение, но пальцы судорожно сцепились, не разжимались.

Осердясь, Семенчук попробовал ударить по руке носком валенка. Чуть не потерял равновесие, качнулся. Выпустил лямку, чтобы не упасть.

В падении тело перевернулось вниз головой. Тяжелый мешок ударился о лед первым. Ткань лопнула, во все стороны разлетелись желтые блестки.

Сверху, с тропы казалось, что мертвец лежит на белом, со всех сторон окруженный золотой пылью.

Толстый ледяной панцирь выдержал, не проломился.

– Тьфу, незадача! – сказал вахмистр. – Ладно, после слазаю.

Не очень-то он и расстроился. Убийцу распирало радостное волнение. Оказавшись вблизи от цели, он будто немного повредился в уме.

Приговаривал, напевал, а то и приплясывал.

Отойдя от места преступления метров на десять, он оказался у входа в узкую трещину, расколовшую высокий берег сверху донизу.

– Э-ге-гей! – заорал Семенчук во весь голос. – А вот и я! Не ждали?

Ему ответило дерганое эхо: «Ждали, ждали, ждали!» Он расхохотался.

– Ну то-то.

Протиснулся в щель, заковылял по осыпавшимся камням. Лаз постепенно расширялся. Превратился сначала в расщелину, потом в темное ущелье. Справа показались три прямоугольные дыры, когда-то пробитые динамитом.

Вахмистр всхлипнул.

– Жизнь моя жизнь, колечко золотое... Закольцевалась, родимая.

Он миновал первый вход, второй. Возле третьего остановился. Поставил на землю заплечный мешок, развязал. Погладил дощатое ребро ящика, вынул фонарь.

Перед тем как войти, задрал голову и посмотрел вверх, на светлую полоску неба, с двух сторон стиснутую кручами.

– «Имел бы я золотые горы и реки полные вина»! – запел Семенчук, но дальше первого куплета дело не пошло. Эхо тоже хотело участвовать в пении, но только мешало.

– Ладно. После попоем...

Пригнувшись, он полез в недлинный тоннель, скоро закончившийся большой естественной пещерой. Там вахмистр зажег фонарь. Луч погулял по стенам, по неровному полу. До свода не достал.

– Где она тут? Ага!

Осторожно переставляя ноги, чтоб не споткнуться, он направился в дальний угол, где лежала груда больших камней. Остановился. Дыхание стало прерывистым.

В ярком пятне света что-то белело.

Это была кость, зажатая между глыбами.

– Лежишь? Рученька ты моя... Вишь, и без тебя управился.

Вахмистр прошел дальше. За каменной осыпью в стене спряталась нора, проделанная в породе взрывчаткой и киркой. Стенки поблескивали крупными серного колчедана, который часто сопутствует золотому месторождению.

– Блестите? – сказал Семенчук колчедановым искоркам. – Поблазнили золотом, да обманули. А золотишко вот оно. – Он стукнул по мешку и засмеялся.

Чтобы пролезть по штреку, пришлось согнуться в три погибели. Фонарь он повесил себе на шею. Через несколько метров лаз вывел в следующую пещеру, гораздо меньше первой. Здесь-то вахмистр и собирался спрятать сокровище. Он кое-как вытащил ящик, положил его у стены и открыл крышку. Долго смотрел, как мерцают слитки. Говорил с ними, плакал, смеялся.

Напоследок произнес:

– Ну, полежите тут покада. За монетками, сестренками вашими, слазую.

В углу лежал старательский скарб: инструменты и снаряжение, закопченный чайник, несколько заржавевших консервных банок. Семенчук взял кирку, повесил на себя большой моток веревки и выбрался назад, в большую пещеру. Без тяжелого мешка он двигался быстрее.

Возле глыб, зажавших отрубленную руку, вахмистр остановился. Ему пришла в голову идея.

– Рученька ты моя. Похороню тебя честь по чести. – Он хихикнул. – Или в золото опра-
вить, да на стенку повесить?

Он вставил острый конец кирки в зазор между валунами, навалился. Управляться одной рукой было трудно. Выручили сила и сноровка.

Сверху посыпались мелкие камешки.

– Иийэxxx! – выдохнул вахмистр, просовывая кирку все дальше.

Валун чуть-чуть приподнялся, соглашаясь выпустить свою добычу. Оставив инструмент торчать, Семенчук вытянул то, что осталось от его конечности.

– Ну, здорово. Отошшала ты тут, сиротинушка.

Плоть полностью истлела. Он держал в руке две белые кости, на которых болталась раз-
моженная кисть, и горестно вздыхал.

А груда камней все шевелилась, кряхтела, будто ее потревожили во сне и теперь она никак не может удобно устроиться. Большой кусок гранита, лежавший на самом верху, тронулся с места. Сполз ниже, покачался на краю, сорвался – прямо на склоненную голову Семенчука.

Раздался хруст, сдавленный крик, лязг разбившегося фонаря.

«В пещере стало тихо и темно, как в нашем лифте... – заключил креативщик свой рас-
сказ. – Такая вот киноновелла. Занимает десять минут экранного времени. Во всех выпусках после первого дается 60-секундный сокращенный ролик, под песню „Однорукий скелет“. В конце кадр: темная пещера, где лежит скелет вахмистра Семенчука. Держит в левой руке пра-
вую. Ну как тебе?»

«Нормально. А что такое “вахмистр”? – спросила девочка и возмутилась. – Блин, они
чего себе там думают? До завтра, что ли, нам здесь сидеть?»

Она нажала кнопку микрофона.

«Алё! Тетенька! Ну вы чего там?»

«В самом деле, – подхватил старик. – Сколько можно? Девочка на урок опоздала!»

«Плевать на урок, все равно математика. Но я тут чокнусь, реально!»

Сколько они ни взывали к невидимой диспетчерше, ответа не было.

«Бессмысленно. – Креативщик вздохнул. – Отключилась. Наверно, ей надоело слушать,
как все скандалят. Наберемся терпения».

Его спутница по несчастью жалобно посопела, поохала, но смирилась.

«Ладно. Чего там у вас случилось? На съемках. Ну, вы говорили, типа кошмар какой-то.
Хуже, чем у нас тут. Куда хуже, не знаю. Я отсюда вся седая выйду, вроде вас буду».

«Знаешь, я не седой, – с достоинством ответил он. – У меня волосы от рождения очень
светлые, почти белые. То есть, может, и седой, но поседел – сам не заметил. Так рассказать
про съемки? Тебе интересно?»

«Конечно, интересно. А чего с монетами, которые на лед упали?»

«Пропали. Места там глухие, тайга. Никто не ходит. Весной начался ледоход, и унесло убитого прапорщика. Утонули империялы. Или, может, ниже по течению кто-то подобрал. В нашем тайнике лежал только ящик с пудом золота в слитках. Тоже немало».

«А то! Четыреста тысяч баксов!»

«Увидели, значит, зрители фокус-группы этот игровой зачин. Запомнили место, где находится тайник. Крутой берег реки, тропинка, вход в ущелье, третья пещера.

Потом в зоне высадились две команды, «красная» и «белая». У каждой в тайге свой лагерь, далеко друг от друга, но примерно на одинаковом расстоянии от цели. Искатели в каждой группе познакомились между собой. Гуру побеседовал со всеми вместе и по отдельности. Зрители наблюдают, выбирают, на кого делать ставку.

Я участвовал в качестве учителя «белых». Между прочим, первый раз за всю свою карьеру удостоился попасть в кадр. Кто гуру у «красных», я не знал. Кого компьютер подобрал во вторую команду, не видел. Сценарий киноновеллы писал не я, и где спрятан клад, я понятия не имел. Съемки «колчаковского» сюжета производила другая группа. Зона поиска – триста квадратных километров. Где-то в тайге спрятан ящик с золотыми слитками. Вот и всё, что было известно мне и игрокам. Без дураков, по-честному.

По правилам мне из лагеря отлучаться нельзя. Я только распределяю задания на день и вечером подвожу итоги. Сам не отхожу от мониторов. Там на каждого из моих отведено по два экрана. На один транслируется съемка с камеры оператора. Он должен всюду следовать за своим подопечным. Ни во что не вмешиваться, в разговоры не вступать, а только снимать, снимать, снимать. Через некоторое время игрок вообще перестает обращать внимание на оператора. На другой монитор идет изображение с «субъективной камеры». Она вмонтирована в каску «искателя». Куда он повернет голову, то мне и видно. При этом с оператором у меня и у режиссера есть аудиосвязь, а с игроком нет. Вижу картинку, слышу звук, а никакой команды или подсказки дать не могу».

«А если заметите чего-нибудь важное?»

«Я смогу ему сообщить об этом только вечером. За это время сокровище могут обнаружить соперники, но тут ничего не поделаешь».

«И кто у вас оказался в команде?»

«Сейчас расскажу. Один крепкий, спортивный мужик, из отставников. Я сразу понял, с ним у меня проблем не будет. Четкий, дисциплинированный, с хорошей физической подготовкой. Если бы я мог сам делать ставки, то поставил бы на него. Уверен был, что первым тайник обнаружит он.

Второй искатель показался мне совершенно бесполезным. Толстый такой, пастозный дядечка хорошо за пятьдесят. Работает поваром в кафе. Что его в тайгу понесло, непонятно. Старательный, все записывает, но жутко бестолковый. С ним мне пришлось повозиться. Главное, он еще и депрессивный оказался. Переживал, что он всем в тягость, комплексовал. Дикая зануда. Вечером часа по два мне ухо жевал, и все про одно и то же. Но на четвертый день я наконец придумал, как его использовать. Занудство – та же педантичность. В принципе очень ценное качество. Я поручил повару идти в хвосте группы с шагомером и компасом, регистрируя продвижение и заноса его на карту. Он отлично справлялся, и с его помощью наши поиски очень успешно пошли по квадратно-гнездовому методу. Мой толстяк воспрял духом, ощутил себя ценным членом команды. Я, честно скажу, был собой очень горд.

Потом еще женщина из Краснодара, учительница. Физически не шибко сильная, но, как говорится, легкая на ногу. И сообразительная. Ее я придумал использовать в качестве разведчицы. Она шла впереди без поклажи, определяла, есть ли смысл двигаться дальше в данном направлении. Если там, допустим, голая поляна, где тайник не спрятать, или непроходимая топь, учительница спешила обратно, и группа меняла курс. Отставник тащил на себе инстру-

менты и все тяжести. Сзади шел повар, помечал маршрут. День на пятый, на шестой мои искатели заработали, как слаженный механизм. И между собой жили душа в душу».

«Это трое. Но в команде-то четверо?»

«В том и штука. С четвертым искателем нам ужасно не повезло. Точней, с искательницей. Типичная такая современная деваха, будто с конвейера сошла. Двадцать два года ей. Размалеванная вся, голый живот, на плече татуировка. Ходячий кошмар. „Дом-2“, „фабрика звезд“, „минута славы“. У нас такую молодежь зовут „эрноиды“, в честь нашего телевизионного начальника. Он их породил, они его в конце концов и убьют».

«А, я знаю. Это из книжки „Тарас Бульба“. Только там наоборот. Типа: я тебя породил, я тебя и грохну. Про хохлов. Отстой».

«Вот-вот. У этой тоже через слово „отстой-супер“, „реально-нереально“. Звать, разумеется, Олеся. Они все сейчас либо Олеси, либо Яны, либо Насти. В крайнем случае Ксюши».

«Ну и чего? Я тоже Олеся».

«Поздравляю. Твоя тезка сразу всем нам объявила, что ей никто не нужен. Она отыщет клад сама и весь заберет себе. Попробовала качать права. С какой-де стати она должна 20 процентов отдавать учителю, то есть мне. Ей объясняют: такие правила игры, деточка. Она поняла по-своему. „Типа откат? Ясно, нет вопросов“. Девочка пришла в игру, чтобы стать звездой и, как она выражалась, „конкретно наварить бабла“. Можешь себе представить, как ее полюбили все остальные. В первый вечер на персональном тотализаторе (это который не на команду в целом, а на отдельных игроков) моя Олеся котировалась очень кисло. Зрители расценили ее шансы найти сокровище первой как один из пятисот. В командном же рейтинге мы уступали „красным“ почти вдвое. Другая команда была расценена фокус-группой как более перспективная. Но это только распалило мой азарт».

Я думал, что буду играть с гандикапом, без одного искателя, потому что стерва Олеся в первый день с утра пораньше ушла в тайгу и неизвестно где шляется. От оператора она оторвалась, объектив «персональной камеры» залепила пластырем. С ее монитора доносились только звуки. Треск сучьев, пыхтение и всякие короткие слова. В эфире можно было оставить только «блин!», остальные пришлось заглушать писком. Вечером Олеся вернулась исцарапанная, вся в комариных укусах. Где была, не рассказывает. Ну, мы с режиссером, конечно, задали ей взбучку. Сказали, что, если еще раз проделает такую штуку с объективом, вышибем из игры к чертовой матери. Рейтинг ее на второй день снизился до 1:1000.

Назавтра опять отправилась на поиски одна. Я следил за ней даже больше, чем за группой. Любопытно. Она все время двигалась рысцой, по-собачьи втягивая воздух. Оператор за ней еле поспевал. Никакой системы в ее перемещениях не было. Иногда проделывала несколько кругов по одному и тому же участку. Или вдруг полезла в болото, хотя могла бы сообразить, что никто в трясине золото прятать не станет. Оператор ее еле вытащил. Грязная вся, злющая. Даже «спасибо» ему не сказала. В общем, энергии много, мозгов ноль.

И так день за днем. Надо сказать, что у девушки образовалась небольшая, но стойкая группа фанов. Процентом пять зрителей. Наверно, такие же «эрноиды», как она. Но денег на Олеся ставили мало. Хуже нее в персональном тотализаторе котировался только мой повар. Однако полезную функцию я для этой паршивки все-таки нашел.

Есть такой термин «антагонист». Во всяком коллективе обязательно появляется кто-то, кого остальные терпеть не могут. Если это человек активный и агрессивный, то неприязнь к нему сплачивает и мобилизует всех остальных. Получается «Один против всех и все против одного». Нездорово, но тоже имеет свои плюсы. Все недоразумения, возникающие внутри основной части группы, воспринимаются как несущественные. Негативные эмоции канализируются в одно русло».

«Чего они делают?»

«Концентрируются в одной точке. Это для команды очень полезно. Для шоу тоже получилось неплохо. Потому что Олеся без конца вляпывалась в какие-то нелепые ситуации, а это зрелищно и очень оживляет действие. Думаю, если бы передача шла не в прямом эфире, а по-нормальному, в виде дайджеста, у Олеси были бы все шансы стать звездой. Ее идиотские приключения обязательно занимали почетное место в нарезке из топ-событий дня. Чего стоит одно ее копанье в гигантском муравейнике! Как она потом скакала по поляне, хлопая себя по разным местам! Умора! Даже рубашку с майкой сорвала. Впрочем, это она, наверное, сделала нарочно. Чтоб продемонстрировать бюст.

Вдруг, на восьмой день, рейтинг этой дурехи подскакивает до небес. На нее одну за два часа поставили больше денег, чем на всех остальных. Я слежу за мониторами, пытаюсь понять, в чем дело.

Вижу, Олеся лезет по какой-то скале, над рекой. Остальная группа там уже прошла, с другой стороны, низким берегом, всё осмотрела, ничего перспективного не обнаружила. А эта идиотка полезла по утесам, того и гляди шею свернет. Набрела на какую-то тропу. Идет по ней, головой, как заводная, вертит – у меня только в глазах мелькает. Оператор от нее здорово отстал. Менял аккумулятор, и, пока возился, Олеси след простыл. Режиссер дает ему указания, куда идти. Парень бежит, торопится. И споткнулся из-за спешки. Упал, ругается. Ногу подвернул, сильно. Кое-как захромал обратно.

Олеся всё дует по тропе. Рейтинг растет прямо на глазах. Неужели, думаю, она дуриком к кладу вышла? Если не найдет, завтра брошу на этот обрыв всю группу.

У меня за спиной телевизионщики собрались. Тоже наблюдают. Эге, думаю. Горячо! Они-то, в отличие от меня, знают, где тайник.

Девчонка остановилась. На экране какая-то не то щель, не то впадина. Олеся в нее полезла.

Ущелье. Три пещеры. Олеся остановилась, смотрит. Не знаю, что там в ее пустой голове шелкнуло, но почему-то пропускает две первые дыры, лезет в третью.

– Поздравляю, сэр, – говорит мне режиссер. – Сейчас эта мышка-норушка набашляет вам восемьдесят штук баксов.

И я понимаю: раз он это заявил вот так, в открытую, значит, дело в шляпе. Хотя и без режиссера по тотализатору видно. Зрители как с ума сошли. Почти все ставят на Олесю, а рейтинг «красных» вообще ноль.

– Клад в пещере? – спрашиваю. – Конец игры?

Режиссер мне:

– Не совсем. Но если дура не найдет, ваши ребята все равно завтра докопаются. Сто процентов.

И видеоинженеру:

– Сэм, включай в первой инфрареде.

«Чего-чего включай?» – спросила девочка.

«Он распорядился включить в первой, большой пещере установленные заранее инфракрасные камеры, для съемок в темноте. На экране при этом видны только голубоватые силуэты движущихся предметов. Можно дать приближение, фокусировку. Тогда видно некоторые детали... Картинка пещеры выглядела очень красиво, таинственно. Там поработали мастера своего дела. Олеся, ясное дело, не знала, что ее снимают. Первое, что она сделала, извини, присела на корточки».

«Правда, что ли? И это показали? Улет!»

«Нет. Камера в это время дала панораму пещеры. Там в разных местах были установлены инфракрасные прожекторы, которые дают подсветку, невидимую человеческому глазу.

Ну, думаю, наша дура сейчас справит нужду, а потом вылезет наружу и пойдет себе дальше. С нее станется. Но я девушку недооценил. Мозгов у нее, может, было немного, но

чутье фантастическое. Гляжу, снимает с пояса фонарик, начинает исследовать пещеру. Я позабыл всю свою неприязнь. Шепчу: «Давай, давай! Ищи! Горячо!» Победа совсем близко. Азарт бешеный! Не в призовой сумме даже дело. Хотя и в ней, конечно, тоже».

«И чего, нашла?! И вы на вашу долю у нас квартиру купили, да? Здорово!»

Креативщик протянул руку и, невзирая на темноту, очень точно щелкнул девочку по лбу.

«Не перебивай! „Квартиру купили“. Это, по-твоему, кошмар? Нет, деточка. К кошмару мы еще только подбираемся... Я на секунду отвлекся от мониторов. Вдруг – жуткий вопль. Олеся, совершенно по-детски, безо всякой ненормативной лексики, орет: „Мамочка! Что это?!“

Луч ее фонарика светит куда-то вниз, прыгает.

Там на земле лежит страшное. Человеческие останки. Я как увидел пустые глазницы, ощеренные зубы – сам содрогнулся.

А вокруг хохот. Вся съемочная группа ржет – пополам складывается.

Видеоинженер мне со смехом объясняет, что у них там по сценарию лежит скелет, который в левой руке держит отрубленную правую.

Олеся тоже сообразила, что к чему. Не такая уж, выходит, дура.

– Козлы! – говорит. – Ничего я не испугалась! – И дальше соображает. – Ага! Раз трупак подложили, значит, тут где-то! Йес! Я круче всех!

И давай во все стороны фонариком светить.

Вдруг режиссер говорит:

– Ребята, чего-то я не понял. Девчонка находится в правой части пещеры, так? А скелет бутафорский должен быть слева, возле каменных глыб. – Зовет помощника, который киноновеллу снимал. – Стас! Вы что, перепутали? Не туда Семенчука положили?

Помощник ему:

– Ничего мы не перепутали. Сам клал.

Он, между прочим, один из всех не смеялся.

– И вообще, – говорит, – это не наш скелет. Наш чистый, одни кости, а это какой-то труп обглоданный. Восемь дней назад, когда мы заканчивали аппаратуру устанавливать, не было в правой половине ничего такого...

Стало у нас в аппаратной тихо.

И тут кто-то ахнул:

– Смотрите, там еще человек!

Точно! За силуэтом Олеси вдруг возникает голубоватая тень. Полусогнутая, крадущаяся.

Все сгрудились у монитора.

– Кто это? Там никого не может быть!

Места вокруг действительно глухие. До ближайшего поселка 200 километров. Режиссер шипит:

– Камеру на фокус! Ближе, ближе!

Дают второго человека, максимально крупный план. Лица не разглядеть, но видно, что мужчина. Волосы ежиком, вместо глаз два мерцающих пятна. Это обычный эффект инфракрасной съемки, но впечатление – мороз по коже.

– Что это у него? Опустит!

Мужчина в чем-то темном, но слева на груди белый прямоугольник. И там какие-то буквы и цифры.

Я, как дурак, спрашиваю:

– Это у него лейбл?

А режиссер хватить ассистента за грудки.

– Звони по спутнику в область! Управление внутренних дел мне! Живо!

Тот:

– Я номер не знаю.

– Узнай!

Он один из нас из всех не растерялся. Режиссер есть режиссер.

Связался с хромым оператором, пока ассистент дозванивался. Давай, говорит, Коля, хромай обратно к утесам. Ты ближе всех. Объяснил, в чем дело и как найти пещеру.

– Внутри не лезь. Оставайся снаружи и ори погромче, зови ее!

Еще отправил группу из шести человек, через тайгу, по короткому маршруту.

Я в это время следил за тем, что происходит в пещере. Олеся бродит по ней туда-сюда. Тень притаилась в углу, смотрит. Одна из камер все время направлена на неизвестного. Видно, как он рукавом вытирает нос. Иногда немного перемещается. И все время поворачивается вслед за лучом фонаря.

Слышу, как режиссер начинает разговаривать с дежурным милиционером.

От первого же вопроса у меня мурашки по коже.

– У вас в розыске беглые зеки есть?

Ему отвечают, что нет. Он немного успокоился, потом спрашивает: а по соседним областям?

– Хорошо, – говорит. – Жду.

Через пару минут выясняется, что из лагеря особого режима в соседней области еще месяц назад совершили побег двое заключенных. Один особо опасный, другой – молодой парнишка, сидящий за убийство, но не рецидивист, а так называемый «первоходный».

Правда, дежурный сказал, что это не могут быть они. 400 километров по глухой тайге без продуктов, без снаряжения они бы не прошли. Наверняка сгинули где-нибудь. С голода подошли.

Режиссер дальше его слушать не стал, отключился.

Смотрит на нас, белый весь. Никогда его таким не видел. Коротко передал разговор с дежурным.

– Почему вы не рассказали ему про труп? – спрашиваю.

– Некогда. И так ясно. Особо опасный парнишку в качестве «коровы» с собой взял».

Девочка прервала рассказ вопросом:

«Как это?»

«Есть в уголовном мире такая страшная традиция. Какой-нибудь, как теперь говорят, отморозок затевает побег из далекой таежной зоны и зовет с собой глупенького, наивного напарника. Главное при побеге – затаиться и переждать в схроне, пока у преследователей пыл не утихнет. На это может уйти несколько недель. Когда кончается еда, уголовник убивает „корову“ и питается ее мясом».

«Жесть!»

«Да, поверить в такое было трудно. Мы все зашумели, стали перебивать друг друга. Кто соглашается, кто сомневается. Навели камеру на то место, где Олеся нашла труп. Теперь видим отчетливо: голое тело, с которого срезаны все мясистые части. Меня чуть не вырвало... Ты меня слушаешь?»

«Ага. Меня сейчас саму вырвет».

«Может, не рассказывать? Дальше еще страшней».

Помолчав, девочка сказала:

«Нет уж. Рассказывайте».

«Любопытство в тебе сильнее страха. Это уже неплохо... Пока мы спорили, пока возились с камерой, режиссер времени не терял. Вызвал милиционеров – у нас там было несколько ребят из вневедомственной охраны, так положено. Связался с пилотом съемочного вертолета. Объяснил, куда лететь».

Ситуация получалась такая.

Олеся всё рыщет по пещере. Хочет, дура, разбогатеть. В десяти-пятнадцати метрах от нее засел убийца-людоед. Не торопится. Наверно, не возьмет в толк, что за баба, зачем тут шастает и, главное, одна она или нет.

Оператор от пещеры примерно в километре, еле ковыляет на одной ноге. Раньше чем через полчаса до ущелья не доберется. Шесть человек бегут через лес, им надо преодолеть 11 километров. Это часа полтора. Вертолету до места лететь пять минут, но там как назло что-то с двигателем. Никак взлететь не может.

Короче говоря, всё паршиво.

Наши из съемочной группы пытаются понять, как это могло получиться. На прошлой неделе они никакого зека в пещере не видели. Скорей всего, он заявился позже. И корову свою притащил. Аппаратура там хорошо замаскирована, заметить ее он не мог.

Наверное, всё так и произошло, но сейчас это было неважно. Только одно имело значение: успеют ли наши добраться до пещеры, прежде чем людоед нападет на Олесю...»

«И чего они, успели?» – нервно спросила девочка.

«Тебе ответить одним словом: „да“ или „нет“? – Креативщик разозлился. – Господи, ну и молодежь растет! Мало того что двух слов грамотно связать не могут, еще и слушать не умеют! Главное, было бы нам куда спешить! Все равно ведь сидим в этом идиотском ящике!»

«Ладно, чего вы наезжаете. Вы только скажите, жива она осталась или нет. А потом рассказывайте».

«Фигу с маслом. Это я нарочно на понятном тебе языке отвечаю. Слушай, как рассказывают, или я умолкаю».

«О'кей, о'кей, поняла. Давайте дальше».

Сердито попыхтев, старик продолжил:

«Может, всё и обошлось бы, потому что, как я уже сказал, рецидивист не спешил набрасываться на девушку. Но тут наша неугомонная Олеся нашла проход в маленькую пещеру. Сунулась за груды камней, а там пробит лаз. Она, недолго думая, на локти-коленки (рост-то у нее за метр восемьдесят) – и вперед.

– Там клад? – спрашиваю.

Режиссер тоскливо отвечает:

– Клад, клад. Теперь она в бутылке. Не выберется... Похоже, конец девчонке.

Видим, бандит тоже ползет в дыру. Когда он опустился на четвереньки, то стал похож на светящегося волка-оборотня.

– Давай «Сокровищницу», – шепчет режиссер видеоинженеру.

Мы все вдруг непроизвольно перешли на шепот. Как будто убийца мог нас услышать.

Включили инфракрасные панели во второй пещере. Она крошечная, примерно пять на пять метров. По стенам маскировочные панели, за ними понатыкано аппаратуры. Видно гораздо лучше, чем в большой пещере. Можно разглядеть не только силуэты, но и детали, лица. Смотришь на мониторы и диву даешься: как это Олеся не видит ящика со слитками? Как не замечает, что буквально в трех шагах из дыры на нее пялится человек?

У людоеда глаза широко-широко раскрыты, не мигают. Рожа вся заросла черной щетиной. Рот разинут, блестят зубы.

А помощи ждать неоткуда. Оператор колупается по тропинке, ему до пещеры далеко. Группа не добежала и до середины. Вертолет чихает, но не взлетает.

– Я вам говорил, – шипит на режиссера наш спец по эффектам. – Давайте, говорил, спрячем там цветомузыкальную установку, фейерверк. Чтоб врубить, когда искатель находит клад. Сейчас нажал бы кнопку, там такой Диснейленд бы заколбасился. А вы: «Дешевка! Старо! В голом инфракрасе стильней получится». Вот и получилось стильней. Зек с перепугу дунул бы из пещеры, и девчонка бы спаслась, а так...

– Не каркай! – накинулись мы на парня.

Только тут каркай не каркай, а дело шло к развязке.

Через минуту Олеся довертелась-таки до ящика, осветила его фонарем. Золото сверкает в луче. Визжит, идиотка, пляшет.

– Йес! Я сделала это! Я звезда! Олеська, ты круче всех! Съели, козлы?

И палец во все стороны тычет выставленный. Понимает, что вокруг скрытые камеры.

А из черного прямоугольника уже лезет убийца. Видит золотые слитки. Черным языком облизывает губы.

Наша попрыгунья скакала-скакала, да и наткнулась на него спиной.

В мониторной все застонали, а я, честно тебе признаюсь, вскрикнул.

Мужчина взял Олеся за плечо.

– Ты что тут, одна, что ли? А с кем базаришь?

Она руку оттолкнула, ощерилась вся.

– Одна, одна! Не лезь! Я сама нашла! Первая! Все видели!

Тычет рукой на стены. И я понимаю: она приняла зека за искателя из команды «красных».

Поэтому и не испугалась.

Он у нее из руки фонарь:

– А ну дай.

Посветил на золото. Бух на колени и давай его щупать.

– Блин, рыжее! Много! Клад, что ли? В натуре клад!

Олеся на него сзади налетела, отгаскивает.

– Урод! Пихается еще! Я тебе щас натяну глаз на...

Бандит, не оборачиваясь, двинул ее локтем в живот. Она согнулась пополам, вдохнуть не может. Только теперь поняла: что-то не так.

Хрипит:

– Ты кто?

– Конь в пальто. Это видала?

И посветил себе на белый прямоугольник, что пришит у него на груди.

– Чего, по сценарию так положено? – спросила Олеся, но голосок дрожит.

По сценарию локтем в солнечное сплетение вряд ли станут бить, даже ей понятно.

А людоед на нее не смотрит, жадно выхватывает слитки из ящика.

– Золото! – кричит. – Сдохнуть, золото!

Мы все, как заведенные, шепчем: «Беги, дура! Беги!»

И она вроде бы даже начала пятиться. Но зек, не оглядываясь, схватил ее за полу куртки.

– Стоять! Убью.

Она – за пояс. У нее там, рядом с фляжкой, аптечкой, запасным фонариком, складной нож в чехле. Стандартное снаряжение, у каждого искателя одинаковое.

Рецидивист снова, глаза у него, что ли, на затылке, ее как дернет – она на землю упала.

Он отобрал нож, раскрыл лезвие, потрогал пальцем, острое ли.

Здесь Олесе, наконец, стало по-настоящему страшно.

– Ребята! – кричит. – Помогите! Спасите! Он меня зарежет!

У нас тихо, только комары звенят.

– Всё, – сказал режиссер. – Кранты. Запись идет?

Это он уже перестроился. Раз нельзя спасти, будет сенсационная видеозапись. Мне от такого профессионализма стало еще страшней, чем от картинки на мониторе... Ты что затихла?»

«Слушаю», – тихонько прошептала девочка.

«Олеся на земле сидит, сжалась вся, а бандит то на золото фонарем светит, то на нее.

И приговаривает:

– Ну жизнь, ну кошка полосатая. То наждаком по рылу, то на тебе: и Гагра, и виагра».

«Чего?» – переспросила девочка.

«Поговорка такая. В смысле разом и богатство, и красивая женщина. „Гагра“ это раньше такой курорт был, по прежним временам считался шикарным. Ну, а „виагра“ – лекарство, для... как тебе объяснить...»

«Знаю я, для чего оно».

«Да?»

«Вы чего? Пятиклашки, и те знают. И чего, он стал ее насиловать?»

«...Я не хотел про это, но дети теперь такие... информированные. Да, он сказал ей буквально следующее:

– Выбери, лялька. Или я тебя сначала грохну, а потом... Нет, буквально не получится».

«Ладно вам. „Сначала грохну, потом трахну“ или „Сначала трахну, потом грохну“. Нормальное слово, меня папа с мамой за него даже не ругают. А она чего?»

Креативщик закашлялся, повздыхал.

«Ну, в общем, примерно так людоед ей и сказал.

Режиссер как закричит:

– Соглашайся! Пока он тебя трахать будет, вертолет взлетит, ребята подспеют! Не будь идиоткой!

Уж не знаю, что у него в голове было: ее спасение или уникальная съемка. Видимо, полное совпадение приятного с полезным.

Олеся будто услышала. Перестала кричать. Трясется вся, губы прыгают, но сказала звонко:

– Ты меня не грохнешь. Я знаю какая? Ты таких классных девушек в своей паршивой жизни не видал. Реально улетишь. Гарантирую.

Знаешь, что меня больше всего поразило? Что у нее в этот миг глаза были широко-широко открыты».

«Ну и что?»

«А то. Чувство страха испытывают все люди. Но делятся при этом на две категории. Вот ты, когда лифт застрял, первым делом что сделала?»

«Заорала».

«Нет. Ты зажмурилась и боялась глаза открыть. Случилось самое ужасное, чего ты больше всего боялась, – и ты зажмурилась. А есть люди, которые от ужаса открывают глаза как можно шире. Только так и надо себя вести в минуту страшной опасности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.